

СЕПАРАЦИЯ ОТ МАТЕРИКА: ОПЫТ АРКТИЧЕСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

В.В.РЯБИКОВ*

Опыты путешественников, попадающих в непривычное для них пространство, такое как пустыня или арктические просторы, показывают, что в этих условиях человек переживает особые состояния психики. В одних случаях эти состояния оказываются глубоко терапевтичными и становятся впоследствии основой для позитивных внутренних изменений, в других – вызывают тягость и необходимость защищаться от наплывающих переживаний. Автор предлагаемого текста уникальным образом соединяет в себе психолога-исследователя, психотерапевта и путешественника. Он предпринимает попытку изучения разных аспектов указанных феноменов и предлагает свои первые теоретические гипотезы и интерпретации.

В данной статье я хотел бы высказать ряд предположений относительно содержания, источника и природы переживаний человека, обнаруживающего свое присутствие в природной среде Арктики. Эти предположения основаны на впечатлениях, полученных во время Морской арктической комплексной экспедиции (под руководством профессора П.В.Боярского), которая состоялась в сентябре-ноябре 2007 года.

Экспедиция осуществлялась на борту Научно-Исследовательского Судна «Михаил Сомов».

---

* **Рябиков Вадим Вадимович** – психолог, психотерапевт, старший научный сотрудник Института Культурного и Природного наследия им. Д.С. Лихачева, председатель правления Института Развития Личности «Синхронисити 8» (Санкт-Петербург), член Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) под рук. проф. Боярского П.В.(2007г.).

Маршрут экспедиции:

1. Остров Сосновец

Местоположение: «горло» Белого моря, вблизи Терского берега.

2. Остров Хейса

Местоположение: центр архипелага Земля Франца-Иосифа.

3. Остров Земля Александры

Местоположение: западная часть архипелага Земля Франца-Иосифа.

4. Остров Грезм Белл

Местоположение: восточная часть архипелага.

5. Остров Рудольфа

Местоположение: архипелаг Земля Франца-Иосифа, самая северная его часть.

6. Остров Джексона. Зимовье Ф.Нансена и Я.Иогансона

Местоположение: остров Джексона, первая морская терраса, под высоким обрывистым берегом высотой около 10-12 м.

7. Остров Алджера

Местоположение: архипелаг Земля Франца-Иосифа.

8. Остров Визе

Местоположение: северная часть Карского моря.

9. Мыс Желания

Местоположение: север Северного острова архипелага Новая Земля; географические координаты: 76° 57' с.ш., 68° 34' в.д.

10. Остров Вайгач. Святылище Хосейто 1.

Местоположение: памятник расположен на берегу пролива Югорский Шар, в 300 метрах к востоку от юго-восточной оконечности озера Хосейто, в 1 км от мыса Дьяконова (Болванский Нос), на краю прибрежной равнины, обрывающейся 3-4 метровым абразионным скальным уступом в море.

11. Амдерма

Местоположение: географические координаты: 69° 45' с.ш., 61° 41' в.д.

12. Посёлок Усть-Кара и метеостанция

Местоположение: станция и посёлок расположены на восточном низменном берегу Карской губы, в которую впадает р. Кара.

13. Полярная станция Маре-Салья

Местоположение: станция названа по мысу, расположенному в 12 км на север от неё. Мыс ограничивает юго-западную оконечность полуострова, находящегося на западном берегу Ямала, перед входом в Байдарацкую губу.

14. Остров Диксон

Местоположение: север Енисейского залива, на расстоянии 4 км к западу от бухты Портовой посёлка Диксон

15. Посёлок Диксон

Местоположение: северо-восточный берег Енисейского залива

16. Острова Андрея

17. Мыс Челюскина

Местоположение: полуостров Таймыр, 77° 43' с.ш. и 104° 18' в.д.

18. Архипелаг Северная Земля

Местоположение: граница между Карским морем и морем Лаптевых, в 55 км к северу от мыса Челюскина на полуострове Таймыр. В ясный день она быва-

ет хорошо видна. Площадь – около 37000 км². Он состоит из четырёх больших островов и ряда мелких и является наиболее северным архипелагом у берегов Евразии.

19. Остров Домашний

Местоположение: входит в группу островов Седова архипелага Северная Земля.

20. Полярная станция мыс Стерлегова

Местоположение: западный берег п-ва Таймыр; с северной части мыс омывается Карским морем, с юго-западной ограничен устьем р. Ленивой.

21. Острова Известий ЦИК. Полярная станция «Известия ЦИК»

Местоположение: полярная станция расположена на южном берегу о. Тройной, на берегу бухты Полярников, в 50 м от береговой черты. Длина острова с запада на восток 16 км, ширина с севера на юг до 5 км.

22. Полярная станция Сопочная Карга

Местоположение: расположена на правом берегу Енисейского залива, на мысе площадью около 2 км², носящим название Сопочная Карга. С запада мыс омывается водами Енисейского залива, а с востока водами Енисея, которые образуют залив Сопочная Карга.

23. Полярная станция о. Велькицкого

Местоположение: расположена на северном побережье острова Велькицкого, находящегося в южной части Капского моря между устьями Оби и Енисея; географические координаты станции: 73° 31' с.ш., 75° 46' в.д.

24. Полярная станция Тамбей

Местоположение: станция расположена на западном берегу Обской губы, в 185 м от уреза воды; географические координаты станции: 71° 30' с.ш., 71° 50' в.д.

25. Остров Белый

Местоположение: Карское море, вблизи северного побережья полуострова Ямал, от которого отделен проливом Малыгина.

26. Полярная станция им. М.В.Попова на о. Белый

Местоположение: расположена на северо-западной оконечности острова, на берегу морской протоки, в 800 м от берега Карского моря; географические координаты станции: 73° 19' с.ш., 70° 03' в.д.

27. Полярная станция Малые Кармакулы

Местоположение: расположена на берегу Южного острова архипелага Новая Земля, к юго-востоку от острова Кармакульский, у мыса Приют, на высоте 18-20 м над уровнем моря; географические координаты: 72° 22' с.ш., 52° 42' в.д.

28. Бугрино

Мой научный интерес связан с поиском подходов к исследованию психологического и биологического обеспечения контакта «человек – среда обитания».

Маршрут путешествия пролегал через моря, острова и архипелаги Северного Ледовитого Океана в природно-климатической зоне аркти-

ческой пустыни и тундры. Считается, что это область с крайне неблагоприятными условиями для жизни.

Мне было известно о ряде парадоксальных переживаний, с которыми сталкивается человек в Арктике и в других зонах, вполне соответствующих тому, чтобы их можно было назвать экстремальными. К этим зонам относятся пустыни, высокогорья, глубокие пещеры, орбитальные станции и пр.

Один из малообъяснимых феноменов, с которыми нередко имеет дело арктический путешественник, это так называемая «арктическая болезнь». Она выражается в необъяснимой тяге – вернуться в эти места. Я предполагаю, что это желание возвращения указывает на важность и ценность переживаний, с которыми сталкивается здесь человек, быть может, не всегда понимая их содержание и значение. Собственно тяга вернуться туда, где было получено важное переживание, не дает покоя ни мореплавателю, ни альпинисту, ни космонавту, ни пустыннонику. Мне показалось, что расшифровка содержания этих переживаний имеет большое значение.

Контакт человека с непривычной средой обитания сопровождается дестабилизацией привычных сенсорных стереотипов, которые поддерживают интерфейс в системе «человек и окружающая среда».

Интерфейс понимается как способ или устройство, при помощи которого две системы (в данном случае человек и окружающая среда) общаются друг с другом. Интерфейс возникает в области контакта человека с окружающей средой как совокупность реакций, образующих сигнальную среду, которая обеспечивает возможность осуществления транзакций. Будучи однажды созданным, интерфейс не нуждается ни в управлении, ни в администрировании, и функционирует в автономном от создателя режиме. Создавая возможности и удобства в общении между системами, интерфейс ограничивает их информационное взаимодействие, выделяя и усиливая полезный сигнал. Нередко эти ограничения становятся препятствием на пути создания инструментария, необходимого для решения задач определенного класса.

Понятие интерфейса в этом случае не сводимо к понятиям мироощущения, мировосприятия, мировоззрения и т.п. Можно назвать две причины: во-первых, интерфейс включает в себя неосознаваемую область контакта, помимо осознаваемой, а значит, событие в этой области не может «ощущаться», тем более, «пониматься»; во-вторых, на границе контакта «человек – окружающая среда» коммуникативные процессы протекают в интерактивном режиме.

Следует отметить, что интерфейс в системе «человек – окружающая среда» является продуктом ее эволюции. Он поддерживается, с одной

стороны, сущностно, духовно, с другой – посредством физических процессов, в том числе протекающих на квантовом уровне, а также информационных, физиологических, биохимических, психологических, социально-культурных и технологических процессов.

Человека можно представить как пользователя «интерфейсом», который, в свою очередь, является продуктом как онто-, так и филогенеза, а стало быть основан на конвенциональном представлении о том, что есть мир. Процесс онтогенеза подразумевает возникновение способа обмена управляющей информацией уже на стадии эмбриогенеза в системе «плод – мать – среда обитания» и его развитие в системе «ребенок – мать – окружающая среда» в условиях перехода от рождения к фазе нормального аутизма, затем к нормальной симбиотической фазе и, наконец, к процессу «сепарации-индивидуации».

На стадии эмбриогенеза интерфейс в системе «плод – мать – среда обитания» обеспечен биологическими программами, сопровождающими течение беременности и согласовывающими состояние эмбриона и организма матери с состоянием окружающей среды, а также моделью потребного результата.

После рождения система «ребенок – мать – среда обитания» нуждается в новом интерфейсе. Его формирование осуществляется поэтапно, по мере того как ребенок переходит от фазы аутизма к симбиотической фазе и затем к процессу «сепарации-индивидуации».

Несмотря на то, что в стадии нормального аутизма, которая длится от рождения до полутора месяцев, ребенок живет преимущественно в мире внутренних стимулов, контакт с внешней средой осуществляется и управляется на инстинктивном уровне.

Симбиотическая фаза продолжается примерно от полутора до 5-6 месяцев. В начале симбиотической фазы материнский уход и старания самого ребенка, направленные на снятие напряжения, сосредоточены вокруг попыток достижения и поддержания гомеостаза. Ребенок в это время начинает проводить различие между «приятным», «хорошим» и «болевым», «плохим» качествами переживания. Такая дифференциация оказывается первой квази-онтогенетической основой более позднего механизма расщепления. Энграммы этих двух примордиальных качеств-стимулов возникают внутри первичной неразделенной матрицы, которую Э.Якобсон (1964) назвала «первичным психофизиологическим Я» (Малер, Мак-Девитт, 2005).

В начальной стадии процесса сепарации-индивидуации индикатором внимания, направленного на внешний мир, оказывается прототипический двухфазный зрительный паттерн, состоящий в обращении к внешним стимулам, а затем их перепроверке на целостном образе (геш-

тальте) матери, в особенности – ее лица. Из такого считывания появляются первые элементы характерных реакций на неизвестное. Обращенная вовне чувствительная деятельность постепенно заменяет направленный внутрь катексис внимания, который лишь недавно почти исключительно был направлен на симбиотически дезориентирующие внутренние ощущения. Теперь начинается процесс, который справедливо может быть назван «вылупливанием» (*hatching*) (*Малер, Мак-Девитт, 2005*).

На этой стадии интерфейс в системе «ребенок – мать – среда обитания» оказывается под значительным влиянием образа матери, который становится проводником информации об опыте совершенно разного свойства. В некотором смысле мать становится одним из программистов интерфейса в данной системе, при этом лишь в определенных пределах совмещая функцию программирования с функцией проектирования. Мать не может быть свободна в проектировании интерфейса своего ребенка, не только вследствие его и своей биологической обусловленности, но и потому, что она функционально обязана согласовать интерфейс ребенка с определенной культурной традицией. Культурная традиция, в свою очередь, возникает в практике освоения сообществом, к которому принадлежит мать, некоторой географической области, обладающей определенными ландшафтными, природными, климатическими условиями. Культура матери предопределяется наличием социоприродной системы, которую человек идентифицирует как *родину* (*motherland*). Эта социоприродная система стремится сохранить собственную идентичность и целостность своих границ. Она и является основным заинтересованным «лицом», выполняющим функцию как «заказчика», так и основного «проектировщика» интерфейса в системе «ребенок – мать – среда обитания».

Проектировщик имеет свои интересы и свой собственный взгляд на то, как должен развиваться ребенок. Этот взгляд, как правило, не может учитывать его индивидуальность. А, между тем, индивидуальность человека – это что-то вроде правды о нем. Родина нередко с досадой относится к этой правде, создавая систему дезориентирующих воздействий на человека, которые могут быть объединены под общим названием «морок». Человек, с одной стороны, оказывается его жертвой, с другой – иждивенцем, так как он поддерживает стратегию адаптации и выживания в определенной социоприродной среде. Он зачастую готов жертвовать своей подлинностью и достоинством ради безопасности и, в конце концов, становится персонажем в чужой пьесе, автоматически следуя предписаниям «морока». Понимание, чем он жертвует ради своей безопасности, приходит слишком поздно, а иногда совсем не прихо-

дит. Человек с возрастом просто погружается в слабость, болезнь и бессмысленность, постепенно обременяя своими проблемами социо-природную систему, его породившую.

Между тем, развитие социо-природной системы осуществляется в результате усилий людей, которые смогли стать если не авторами, то, по крайней мере, со-авторами своей собственной судьбы. Авторство предполагает творчество, а значит и возможность выхода за пределы жесткой биологической, социальной и культурной обусловленности. Как правило, интерфейс, созданный «по заказу» родины, ограничивает доступ человека к ресурсам собственной самости (self), что в результате приводит к образованию либо ригидной, либо неустойчивой, но в любом случае ложной, а не творческой идентичности, препятствующей самоактуализации человека.

В творческом поиске своей подлинной судьбы человек обращается к своей трансцендентной сущности, так как безотчетно знает, что дефицитарность, которая сопровождает его в этом мире, преодолевается где-то там, за пределами пространства-времени, в вечности, где нет ни будущего, ни прошлого, а значит, и нет удручающей необратимости.

Он не всегда осознает, но в глубине души всегда знает, что его достоинство не связано, а действует вопреки пристрастиям к временному, земному, ограниченному.

Контакт с непривычной природной средой, в которой он не может опираться ни на образцы, усвоенные в процессе социализации, ни на филогенетический опыт, закрепленный в инстинктивных побуждениях, способен вывести человека за пределы конвенционального, социально и биологически обусловленного интерфейса, и познакомить его с вечностью и с тем, кем он в ней является.

Это может происходить не только в Арктике, но и в любой экстремальной зоне. Одно из самых удачных описаний этого опыта принадлежит перу Антуана де Сент-Экзюпери.

«Когда-то я прожил три года в Сахаре. И я, как многие другие, пытался постичь, чем же она завораживает и покоряет. Казалось бы, там только и есть что одиночество и лишения – но всякий, кому случилось побывать в пустыне, тоскует по тем временам, как по самой счастливой поре своей жизни. «Тоска по бескрайним пескам, тоска по одиночеству, тоска по простору» – все это лишь слова, литературные штампы, и ничего они не объясняют. А вот здесь, на борту парохода, битком набитого пассажирами, я, кажется, понял, что же такое пустыня.

Да, конечно, в Сахаре, сколько хватает глаз, видишь все тот же песок, вернее, обкатанную временем гальку (песчаные дюны там редкость). Там ты вечно погружен в неизменное однообразие скуки. И однако, незримые божества создают вокруг тебя сеть притяжений, путей и примет – потаенную живую мускулатуру. И уже нет однообразия. Явственно определяются знаки и вехи. И даже тишина всякий раз иная.

Бывает тишина мирная, когда утихает вражда племен и вечер приносит прохладу, и кажется – ты остановился в безмятежной гавани и спустил паруса. Бывает полуденная тишина, когда под давящим солнцем – ни мысли, ни движения. Бывает тишина обманчивая, когда замирает северный ветер, когда мотыльки и стрекозы – цветочная пыльца, взметенная из глубинных оазисов, – предвещают песчаную бурю с востока. И тишина недобрая, когда узнаешь, что в шатрах дальнего племени зреет заговор. И тишина загадочная, когда между арабами завязываются тайные переговоры. И напряженная тишина, когда ждешь гонца, а он все не возвращается. И пронзительная ночная тишина, в которую вслушиваешься, затаив дыхание. И тишина, полная грусти, когда вспоминаешь тех, кого любишь.

Все тяготеет к полюсам. Каждая звезда указывает верный путь. Все они – звезды волхвов. Каждая служит своему богу. Вон та указывает путь к далекому, почти недостижимому роднику. И даль, что отделяет тебя от этого родника, гнетет, точно крепостной вал. А эта указывает на родник, который давно иссяк. И сама эта звезда кажется иссохшей. И в пространстве, отделяющем тебя от пересохшего родника, дороги нет. А вон та звезда привела бы к неведомому оазису, который восхваляли кочевники, но дорога туда заказана: ее преграждают непокорные племена. И пески между тобою и тем оазисом – как заколдованная лужайка из сказки. Еще одна звезда ведет на юг, в белый город, он, точно сладостный плод, так и тянет его отвесть. А та ведет к морю.

И наконец, магнитное поле пустыни порождает безмерно далекие, почти неправдоподобные полюсы: дом твоего детства, который и сегодня живет в памяти; друг, о котором только и знаешь, что он есть.

И ощущаешь себя в силовом поле: есть силы пронизывающие, животворные, они тебя притягивают или отталкивают, льнут к тебе или сопротивляются. И стоишь на земле твердо, уверенно и надежно, в самом средоточии важнейших путей и направлений.

Пустыня не дарит осязаемых богатств, здесь ничего не видно и не слышно, а меж тем внутренняя жизнь не слабеет, напротив, стано-

вится еще насыщенной, и волей-неволей убеждаешься, что человеком движут, прежде всего, побуждения, которых глазами не увидишь. Человека ведет дух. В пустыне я стою ровно столько, сколько стоят мои божества» (Сент-Экзюпери, 2000).

Путешествие в экстремальной зоне содержит в себе возможность неожиданного выхода за пределы привычной конвенциональной реальности. Контакт с миром за пределами коллективного интерфейса нередко сопровождается парадоксальным чувством успокоения, утешения и освобождения, вопреки тому, что человек начинает подвергаться реальной опасности.

Вот эпизод из рассказа Стивена Каллахэна, единственного в истории мореплавания человека, прошедшего в одиночестве на дрейфующем по океану плоту более двух месяцев и сумевшего выжить:

«Несчастье может обрушиться на моряка и в бурю и в штиль, но море посылает его вовсе не из ненависти или презрения. Оно не ведает ни ярости, ни гнева. Но оно никогда не протянет вам и дружеской руки помощи. Оно просто существует – огромное, могучее, равнодушное. Его равнодушие не вызывает во мне раздражения, и меня не смущает мысль о собственной ничтожности, в сравнении с ним. Скорее наоборот – это одна из главных причин, побуждающих меня поднимать свой парус: благодаря общению с морем как никогда остро воспринимается незначительность в этом мире и меня самого, и всего человечества» (Каллахэн, 1990).

Я понимаю, как могут прокомментировать эти переживания экзистенциальные психологи. Дескать, тревога, вызванная конкретными обстоятельствами, переживается гораздо легче, чем размытая неопределенность экзистенциальной тревоги.

Однако на борту судна «Михаил Сомов» мы, члены Морской арктической экспедиции, чувствовали себя защищенными как никогда. Это судно ледового класса, оснащенное самым современным оборудованием и технологиями мореплавания в условиях Арктики, уверенно прокладывающее свой путь сквозь шторма и льды. Длина судна около 120 м, высота от ватерлинии до палубы около 10 м. И даже во время шторма 8-10 баллов корабль идет уверенно настолько, что в столовой на столах посуду никто не закрепляет.

Мы знали, что если даже ледовая обстановка окажется крайне неблагоприятной и мы не сможем пробиться сквозь льды, нам придут на помощь. В Диксоне на рейде стоял атомный ледокол «Россия», готовый выйти в море по первому сигналу тревоги и освободить из ледового

плена любое, затертое льдами, судно. Неблагоприятная ледовая обстановка могла перенести сроки нашего возвращения домой максимум на две недели. Мы знали, что запасов воды, продовольствия и горючего достаточно для того, что бы перенести такую задержку спокойно.

Высадки на берег осуществлялись на вертолете, пилотам которого мы очень доверяли. Они настолько мастерски владели машиной, что создавалось впечатление, будто бы перелет с корабля на берег более безопасен, чем поездка на автомобиле по городу.

На берегу реальную опасность представляли белые медведи. Но мы были вооружены ружьями, карабинами, ракетницами. Мало того, перед посадкой вертолет облетал место высадки, распугивая всех хищников. Поэтому ни в коем случае нельзя утверждать, что мы чувствовали себя в опасности.

Однако причины для беспокойства были, и они порождались отнюдь не обстоятельствами путешествия. Каждый из членов экспедиции оставил на материке тяжелый груз тревожных проблем. Однако в Арктике у многих членов экспедиции отношение к ним претерпело значительные изменения, и повторяю, отнюдь не потому, что мы подверглись еще большей опасности. А потому, что одухотворенная пустота Арктики донесла до наших сердец содержание, по сравнению с которым соображения безопасности, вызывающие тревогу на берегу, начали казаться несущественными.

Следует отметить важную деталь. Мы поселились на борту судна «Михаил Сомов» за две недели до отправления в путь. Эти две недели мы стояли на рейде в Северной Двине около Архангельска. Было очевидно, что члены экспедиции не могут отключиться от проблем, которые они оставили дома. Относительно высокая тревожность отслеживалась и при помощи психодиагностических тестов. Как ни странно, тревожность начала снижаться на вторые сутки путешествия, после выхода в Баренцево море, то есть – после сепарации от материка (в русском языке слово «мать» и «материк» являются однокоренными).

Первые сутки наш путь лежал через Белое Море. Несмотря на то, что оно подарило ощущение могучего простора и вольности, тревожность, которая привычно угнетала большинство членов экспедиции, не утихала. Следует отметить, что Белое море расположено как бы в теле материка, представляя собой некоторое подобие матки.

Чувство успокоения и освобождения стало распространяться в душе после прохода через горло Белого моря, по мере того как участники экспедиции проникались ощущением духовного единства с Мировым Океаном, часть которого была обозначена топонимом Баренцева моря. Сравнения с маткой и, соответственно, напрашивающаяся метафора с

рождением приходит мне в голову только сейчас. Тогда же просто хотелось плакать от радостного чувства возвращения к чему-то истинному, вечному и мудрому.

Следует отметить, что после сепарации от материка эти чувства тронули сердца только тех членов экспедиции, которые смогли открыться миру арктической природы и построить с ним более или менее глубокий контакт. Разумеется, этот опыт оказался доступен не всем, так как сопровождался дестабилизацией привычного интерфейса в системе «человек – окружающая среда». Те, кто пытался сохранить привычный интерфейс, по-прежнему обнаруживали тревожность и нечувствительность к красоте окружающего мира. Они стремились к общению, в котором содержалась возможность воспроизводства привычной структуры личности и коллективного интерфейса. Или старались занять себя просмотром видеофильмов, игрой в компьютер, и постепенно их присутствие на корабле превратилось в маету.

Контакт с природной средой Арктики нередко рождает у путешественника ощущение, что он получает реальную возможность коренного преобразования и что в его жизни больше никогда не будет того, что угнетало его в прошлом. Однако после окончания путешествия привычное ощущение материковой тревоги имеет тенденцию к восстановлению как аспект субъективного представления о норме.

Опыт, полученный в результате Арктического путешествия, позволяет предполагать, что то, что нередко называется экзистенциальной тревогой, является продуктом материкового «мороза», который пытается пугать путешественника, удерживая его в рамках конвенциональной реальности и препятствуя свободному развитию видения собственной идентичности и ее отношения с мирозданием.

«Материковый мороз» поддерживает ощущение, что социально-природная система, воспринимаемая как Родина, отзывчива к капризам человека, возбужденного чувством собственной важности. Утрата этого чувства воспринимается человеком как поражение, а нередко и как катастрофа. Угроза такой катастрофы держит человека в постоянном напряжении. Очевидно, что это чувство лежит в основе одной из базовых защитных иллюзий, которая помогает младенцу сформировать необходимое для его нормального развития чувство собственной ценности для тех, от кого он зависит.

Путешествие через экстремальные зоны – это путешествие через мир, абсолютно безразличный к капризам гордеца. Это мир, который не оставляет ни единого шанса для поддержания чувства собственной важности. И не так уж странно, что человек в этом мире начинает испытывать облегчение. Потому что, при всей своей видимой суровости,

этот мир открывает страннику путь к обители вечной любви, которая, как начинаешь понимать, и есть подлинная реальность.

Контакт человека и окружающей среды имеет сложную многоуровневую структуру. Он осуществляется как на осознанном, так и на бессознательном уровне. При этом осознание контакта вторично. Прежде всего, контакт возникает на бессознательном уровне и поддерживается даже тогда, когда способность осознать ограничена или полностью угнетена (сон, обморочные состояния и т.д.).

Граница осознаваемого контакта чаще всего не совпадает с границей контакта на бессознательном уровне. Пространство и время на осознанном и бессознательном уровнях воспринимается по-разному. Если расширение пространственно-временного масштаба восприятия реальности является результатом расширения области осознания, то бессознательное обладает заведомо большей шириной, протяженностью и длительностью контакта с реальностью, чем сознание.

Кроме того, контакт человека с окружающей средой имеет еще и сущностное измерение, достигая в этом случае особой глубины.

Мерой глубины контакта с окружающей средой выступает образованное в его процессе количество информации за единицу времени.

Глубина контакта человека с реальностью не находится в его полном произволении. Однако в определенных пределах он может развить в себе способность к произвольному углублению контакта при помощи специальных практик. Теоретически он может углублять его неограниченно до исторических и пространственных пределов антропной вселенной, однако реально он сталкивается с несколькими типами ограничений. Типология этих ограничений и возможность их преодоления является темой отдельного исследования.

Практика произвольного углубления контакта с окружающей средой показывает, что при правильных усилиях глубина контакта скачкообразно меняется, по мере того как созерцатель концентрирует внимание на том или ином фрагменте реальности.

Глубина контакта человека и окружающей среды на осознанном уровне зависит от его отношений с собственным бессознательным. Разобщенность с собственным бессознательным приводит к утрате переживания реальности контакта с окружающим миром «здесь и теперь». В то же время, избыточный контакт с бессознательным сопровождается инфляцией эго и угрозой распада личности.

Разобщенность с собственным бессознательным, как и «затопление» сознания содержанием бессознательного является следствием снижения способности к гармонизации фундаментального антропологического

конфликта (конфликта между речевым, рефлексивным и непосредственно-чувственным способами создания образа реальности).

Граница контакта между человеком и окружающей средой, а также характер происходящих на этой границе событий зависит от процессов, поддерживающих идентичность человека. Процесс выделения человека из окружающей среды происходит под семантическим влиянием идентичности и осуществляется по сущностным критериям. Сущностные критерии, поддерживающие идентичность человека, образуют его достоинство, которое обеспечивает устойчивость развития человекообразной системы. Идентичность человека (Кто есть Я?), как и его достоинство, проявляется через отношения с миром (Что есть не Я?).

При этом суть достоинства остается атрибутом области максимальной неопределенности в этой системе. Попытки полностью устранить неопределенность и «уконкретить» критерии, отличающие «Я» от «не Я», сопровождаются тенденциями к упрощению структуры системы и в конечном итоге – к вырождению.

Отказ от попыток внести определенность создает угрозу «растворения» структуры личности в недифференцированном материале бессознательного, к регрессу и, в конце концов, к той же тривиальной динамике.

Развитие личности осуществляется в муках, на острие фундаментального антропологического конфликта, который во многом предопределяет характер отношения человека с миром.

Структура интерфейса в системе «человек – окружающая среда» обеспечивается опытом. Можно выделить следующие виды опыта, существенным образом влияющего на структуру интерфейса в данной системе:

1. Личный опыт развития во взаимодействии со средой обитания (опыт онтогенеза).

Закреплен в автобиографической области памяти.

2. Коллективный культурно-исторический опыт (включающий историю рода, нации, цивилизации).

Закреплен в виде интроекций, усвоенных в процессе социализации.

3. Коллективный видовой опыт филогенеза.

Закреплен в виде побуждений (инстинктов), направленных на сохранение вида *Homo Sapiens*.

4. Коллективный опыт биосферогенеза.

Закреплен в структуре побуждений (инстинктов), направленных на а) преследование по типу «охотник-жертва»; б) самосохранение; в) продолжение рода; г) стремление к ранговому соответствию; д) стремление к превосходству и т.д.

5. Опыт космогенеза.

Закреплен в виде динамических паттернов психической активности, поддерживающих переход от сверхмалых или сверхбольших масштабов пространства-времени к масштабам, доступным для осознания. Понятие пространства и времени в этом случае приближается к кантовскому – «априорная форма синтетического мышления».

С точки зрения сегодняшних представлений о происхождении и эволюции Вселенной, космогенез может быть представлен либо как переход мира из квантового состояния в классическое в результате квантовых флуктуаций, либо как переход сингулярности в возбужденное состояние, порождающее известное нам многообразие феноменов.

Сознание обладает определенной разрешающей способностью восприятия времени. Опытные данные показывают, что самый малый промежуток времени, который может различить человек, равняется 20 миллисекундам (Фрейзер). Известно, что процессы жизнедеятельности осуществляются в несравнимо более мелких временных масштабах. Причем, на микроскопических интервалах времени их успешное завершение требует психического обеспечения. Психическая активность в этих интервалах времени может восприниматься человеком только в измененном состоянии сознания.

Кроме того, жизнедеятельность организма, как следует ожидать, должна быть представлена и в тех интервалах темпоральности, в которых известная нам физика «перестает работать» (менее 10^{-44} секунды). Есть все основания полагать, что сверхмалые промежутки времени характеризуются возникновением все той же сингулярности.

Таким образом, память об опыте космогенеза может быть представлена в виде динамических паттернов психической активности, поддерживающих переход от сверхмелких масштабов пространства-времени к масштабам, доступным для осознания.

Память о переходе из квантового состояния в классическое может поддерживаться активностью мембранных и молекулярных структур, образующих системы со смешанными свойствами (квантовыми и классическими). Примером могут служить микротрубочки цитоскелета, образованные белками тубулинами, свойством которых является способность менять изомерию в сверхмалых временных интервалах, вследствие чего некоторая часть системы микротрубочек цитоскелета в каждый момент времени оказывается в нелокальном квантовом состоянии (Р. Пенроуз, Г. Стапп, М. Перус и др.)

6. Трансцендентный опыт.

Подлинное, вечное, вневременное бытие, которое «никогда не началось, и никогда не кончается». Оно всегда есть.

Присутствие человека в непривычной среде дестабилизирует его привычный интерфейс.

В стремлении стабилизировать его, психика обращается к более глубоким структурам, образованным вследствие более древнего опыта. Иными словами, адаптация к среде, контакт с которой не обеспечен личным опытом, безотчетно побуждает человека обращаться к культурно-историческому опыту. При этом он пытается в своем поведении обрести опору на образцы, запечатленные в родовой или национальной памяти. Эта память загадочным образом передается ему в результате контактов с культурной средой в процессе социализации.

Отсутствие этих контактов или невозможность доступа к этому виду памяти побуждает человека обращаться к архетипам коллективного бессознательного, где он встречается с архетипическими образами (старцы, герои, боги и т.д.) и сценариями, отражающими прототипные знания о правильном поведении в тех или иных обстоятельствах.

Если в филогенетической памяти не отражен опыт биологического выживания в этой среде, то психика обращается к опыту биосферогенеза, а потом и к опыту космогенеза.

Процесс обращения к более глубоким слоям памяти вызывает изменение восприятия масштабов пространства времени в направлении их расширения. Это сопровождается переживанием величия, красоты созерцаемых огромных пространств, первобытным восторгом, что несет с собой угрозу инфляции эго и «затопления» сознания содержанием бессознательного. Здоровая психика должна защищать себя от дезинтеграции тем или иным способом (сонливость, «огрубление» при помощи обильной жирной пищи, алкоголя, ограничение или избегание контакта с природной средой, рационализация и т.д.). Следует отметить, что, судя по всему, рационализация является одной из самых продуктивных форм не только защиты, но и адаптивного поведения в условиях такой среды. Как видно, усложнение структуры сознания, происходящее в процессе рационализации, позволяет ему ассимилировать нарастающие объемы образующейся в бессознательном информации, избежав угрозы деформации или разрушения архитектуры личности.

Арктика – такая географическая область, с которой не связана история социальной и биологической эволюции человека и предшествующих ему видов.

Соответственно, установление интерфейса между человеком и природной средой Арктики, в особенности арктической пустыни, должно сопровождаться вышперечисленными явлениями. Этот вывод и подтверждается опытом исследования в условиях Морской арктической комплексной экспедиции. Поскольку контакт человека с природной

средой Арктики может быть обеспечен только опытом космогенеза, память о котором вдруг таинственным образом принимается оживать в глубинах бессознательного, то восприятие времени также начинает изменяться парадоксальным образом. Человек обнаруживает величие пространства, протяженность которого обозначена всего лишь тонкими оптическими и световыми явлениями, которые, судя по всему, бывают только в этих широтах. Разумеется, эти переживания случаются лишь в том случае, если путешественник не смог или не захотел уклониться от осознанного контакта с Арктикой. Обращает на себя внимание то, что, переживая величие и красоту Мира, человек как будто бы вспоминает о своем достоинстве. Арктика как бы рассказывает человеку, который присутствует в ее природной среде, о том, каким он мог бы быть, но не стал. И он начинает воспринимать изначальную красоту, свободу и разумность как атрибуты мироустройства, и как содержание собственного достоинства. Следует отметить, что эти переживания сопровождаются успокоением, которое не имеет ничего общего с эйфорией, возникающей в процессе развития маниакального состояния. Величие воспринимается как что-то тихое, иногда ласковое и родное. Человек становится молчаливым, но внимательным к окружению.

Обращает на себя внимание, что переживание арктической красоты может сменяться неожиданной сонливостью, или другими формами защиты сознания от опасного «наводнения» содержанием бессознательного.

Покидая Арктику, у путешественника нередко возникает чувство, словно он чего-то недопонял, как будто имел шанс к какому-то преображению, но не смог им воспользоваться. Возможно, комплекс этих переживаний лежит в основе так называемой Арктической болезни, которая проявляется необъяснимой тягой вновь вернуться в Арктику.

При движении на юг, к материку, мироощущение меняется. Интерфейс с природной средой начинает обеспечиваться памятью об опыте, полученном в процессе биосферогенеза, антропогенеза, культурогенеза. И по мере воспроизведения этого опыта (спонтанно или в процессе направленной медитации) возникает ощущение, что история человечества – это история уклонения человека от собственного достоинства под воздействием какого-то морока и попыток его преодоления.

Данные, полученные в экспедиции в результате исследований, наблюдений, опросов и анкетирования, позволяют сделать предположение, что человек – нечто большее, чем он сам о себе думает. Если он является хранителем памяти о космогенезе, то вполне возможно, что он осведомлен и о его предназначении.

Размышляя об арктических переживаниях, я нахожу, что согласен со знаменитым кембриджским философом доктором Броудом в том, что «мы должны рассмотреть намного более серьезно, чем делалось прежде, теорию, которую выдвинул Бергсон в связи с изучением воспоминаний и чувственного восприятия. Предположение состоит в том, что функция мозга, нервной системы и органов чувств, главным образом, очистительная, а не производительная. Каждый человек в каждое мгновение способен вспомнить все, когда-либо происшедшее с ним, и воспринять все, происходящее повсюду во вселенной. Функция мозга и нервной системы состоит в защите нас от переполнения и потрясения этой массой, в основном, бесполезного и ненужного знания: не допускать большую часть того, что мы иначе воспринимали бы и вспоминали в любой момент, а оставлять только ту, очень небольшую, специальную выборку, которая, вероятно, будет практически полезной» (Хаксли, 1997). Согласно подобной теории, каждый из нас в потенции является Всемирным Разумом. Но поскольку мы суть животные, наше дело – любой ценой выжить. Чтобы сделать возможным биологическое выживание, Мировой Разум приходится пропускать через редуциционный клапан мозга и нервной системы. На выходе же имеет место жалкая струйка своего рода сознания, которая помогает нам выжить на поверхности этой конкретной планеты. Для того чтобы сформулировать и выразить содержимое этого редуцированного знания, человек изобрел и бесконечно усовершенствовал те символические системы и не высказанные прямо философии, которые мы называем «языками». Каждый индивидуум одновременно является иждивенцем и жертвой лингвистической традиции, в которой родился, – иждивенцем, поскольку язык дает ему допуск к собранию записей об опыте других людей, а жертвой, поскольку язык укрепляет его веру в то, что редуцированное знание является единственным знанием, и сбивает с толку его чувство реальности, в результате чего он склонен принимать понятия за данность, а слова – за действительные вещи. То, что на языке религии называется «сим миром», есть вселенная редуцированного знания, выраженного и, так сказать, пораженного языком. Различные «иные миры», с которыми человеческие существа по ошибке вступают в соприкосновение, являются многочисленными элементами в совокупности знания, принадлежащего Всемирному Разуму. Большинство людей большую часть времени знают только то, что проходит через «редуциционный клапан» и освящено в качестве поистине реального родным языком. Однако некоторые, по-видимому, рождаются со своего рода «байпасом», позволяющим обойти редуциционный клапан. Кому-то еще удастся приобре-

сти временные байпасы – либо спонтанно, либо в результате «духовных упражнений», либо посредством гипноза (*Хаксли*, 2006).

Анализ полученной в результате исследования информации позволит построить гипотезу о структурогенезе интерфейса в системе «Человек – Окружающая среда Арктики» под влиянием различных типов темпераментов, динамики ресурсов биологической и психологической адаптации и наметить пути ее верификации. Соединение психологических и биологических методов позволит сделать предположение о типе и структуре прямых и обратных связей в системе «Тело – Сознание – Бессознательное – Окружающая среда».

ЛИТЕРАТУРА

- Каллахэн С.* В дрейфе. Л.: Гидрометеиздат, 1990 – с.34.
- Малер М., Мак-Девитт Дж.Б.* Процесс сепарации-индивидуации и формирование идентичности. // Журнал практической психологии и психоанализа, № 2, 2005.
- Сент-Экзюпери А. де.* Сочинения. М.: Книжная палата, 2000. – с.313-326.
- Хаксли О.* Вечная философия. М.: "Рефл-бук" – К.: "Ваклер", 1997
- Хаксли О.* Двери Восприятия. М., Азбука, 2006.